

УДК 124.5

Учение о личности и ее роли в христианском социуме в статьях И.П. Четверикова

Сизинцев Павел Васильевич

Аспирант,

Московская Духовная Академия,

141300, Российская Федерация, Сергиев Посад, Троице-Сергиева Лавра;

e-mail: sizinpash@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена философскому осмыслению социальной и психологической роли института церкви как этического регулятора отношений между людьми и таких психологических факторов, как любовь, позитивное содержание переживаний и восприятий, личностный подход к диалогу и общению. Автор на примере религиозных и психологических трудов профессора И.П. Четверикова показывает этапы возрастания личности человека, роль церковных ритуалов в переосмыслении прошлого и феномен состояния святости. Обращено внимание на метафизический аспект духовного состояния как отдельного человека, так и духовной жизни самой православной церкви. Оригинальность исследования обусловлена отсутствием в настоящее время подробных аналитических исследований теологического и философского наследия И.П. Четверикова в мировой и российской научной среде.

Для цитирования в научных исследованиях

Сизинцев П.В. Учение о личности и ее роли в христианском социуме в статьях И.П. Четверикова // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2017. Том 6. № 2А. С. 210-217.

Ключевые слова

Церковная соборность, личность, святость, индивидуальность, прошлое, единение, Христос, эсхатологичность, премудрость, истина.

Введение

Люди достигают высшей ступени любви друг к другу, если они единокорны в высших христианских ценностях. Любовь имеет, по мнению русского религиозного философа Четверикова, три стадии возрастания. Первая – любовь человека в семье. Затем достигает-

ся более высокая любовь к другим людям, и венчает все высшая стадия любви, проявляемой в Церкви – любовь к Богу. Очевидно, огромное значение, которое мыслитель придает значению семейной жизни, однако прямой связи между счастливым семейным бытием и приобщением к православной Церкви в реальной жизни не имеется. Люди могут иметь счастливую семью, но быть совершенно не воцерковленными или воцерковленными лишь частично. И наоборот, Человек вообще может не иметь семьи, или иметь огромные проблемы в семье, но быть истовым православным верующим.

Индивидуальность в категориях любви, памяти о прошлом, святости и соборности

Любовь выступает у Четверикова не как принцип онтологии Единосущной Пресвятой Троицы, но как залог духовных отношений между людьми, на основе которых можно приблизиться к духовному благу. При этом значительную роль он отводит памяти во внутренней жизни человека. Упоминая об «эйдетической памяти», И.П. Четвериков утверждал, что «прошлое продолжает существовать как реальность в человеческой душе» и «только Бог в таинстве покаяния может совершить чудо изничтожения бытия прошлого из души человека» [Четвериков, 1949, 10].

Если опустить вульгарный термин «изничтожение», налицо психологическая характеристика сознания человека и положительная оценка влияния на его духовное оздоровление таинства покаяния. Интересны и рассуждения о роли прошлого, которое опустившись за «порог сознания» вытесняется из него в потоке времени в бессознательное надвигающимися переживаниями. И в то же время прошлое не отделяется какой-то четко проведенной границей от последующих переживаний, пронизывая и перерабатывая их собой.

Русский психолог приводит для иллюстрации мысли образ Анри Бергсона. По нему важно «начальное переживание человека, который родился и принимает на себя все последующие переживания» [Четвериков, 1949, 10]. Бергсон утверждал в качестве «подлинной и первоначальной реальности жизнь, которая, пребывает в целостности». В процессе жизни изначальное переживание вбирает в себя все последующие эмпирические переживания и растет, не останавливаясь ни на миг, до самого конца. Этот процесс формирует, по Четверикову, полноту человеческой личности. Он уподоблен снежному кому, растущему в движении в процессе жизни и лавиной спускающемуся в долину смерти. Так и «личность растет в процессе жизни, пронизывая каждый миг настоящего всем своим прошлым, начиная с первых переживаний и подходит, обогащенная мудростью прошлого к граням своего земного» [там же] пути.

А. Бергсон считал, что целостное постижение человеком действительности может быть «эмоционально-интуитивным». Интуиция направляла внимание человека на «первичную данность» – собственное сознание, психическую жизнь личности. Но самонаблюдению подвластна непрерывная изменчивость состояний души человека, а, следовательно, и сама

жизнь. В существовании члена общества А. Бергсон выделял два типа социальности и морали: «закрытый» и «открытый». Мораль закрытого типа обслуживала требования социального инстинкта общества, при котором личность приносится в жертву коллективу. Это было в значительной степени присуще российскому менталитету. В условиях морали открытого типа приоритетным становилось проявление индивидуальности, возвращение именно личностных качеств и создание нравственных, религиозных и эстетических ценностей. Ключевым для его философии являлось понятие времени. Бергсон разделял физическое, измеряемое время и чистое время жизненного потока, когда говорил о личностном бытии. Последнее человек постоянно переживает непосредственно [Бергсон, 1994].

В этом процессе бытия в потоке времени сиюминутный миг бытия настоящего «в жизни личности – ничтожная часть», но «которая несет в себе живое целое. Настоящее – и часть и целое – есть движущийся миг вечности» [Четвериков, 1949, 10], вобравший в себя предшествующие миги. При этом эпизоды обладают способностью прорываться из бессознательного в настоящее, «вспыхивая в сознании с яркостью настоящего». Ибо вся «жизнь человека – от чистого младенчества до старости одна целостная жизнь личности» [там же, 11]. Эта жизнь имеет поверхностную сторону, видимую извне, которую в основном и видят со стороны другие люди и о которой не вправе судить, ибо не знают внутренней стороны жизни личности. Этому учит и православие, являющееся, по мнению Ивана Пименовича, «не собранием верующих, а тем, что их собирает – любовью, как даром Божиим, объединяющим людей между собой и Богом. Любовь обуславливает внутреннее, сущностное объединение людей между собой и с Богом. Любовь эта исходит от Бога» [там же, 13].

Четвериков считает любовь объединяющим принципом церковности и благодатным даром, смешивая онтологию и иерархичность, принцип Божественного бытия как результат любви. Тем самым допускает размытость, эклектичность как понятия церкви, так и любви. Церковь развивается именно потому, что состоит из множества людей, количественно и качественно различных по степени духовного совершенства. Единство как личное свойство Бога-Абсолюта и личностное качество человека – один из принципов церковной организации. Он приводит цитату из Библии: «Да будут все едины: как Ты Отче во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино»¹. И далее делает вывод: «в любви Божией и в ответной любви людей друг к другу – источник святости Церкви» [там же, 10-11].

Между тем по православному учению источник понятия святости в святости Иисуса Христа, что соответствует ветхозаветному указанию «будьте святые, ибо Я свят» (Лев. 11, 44-45), исполняемому в Новом Завете божественным воплощением, представляющим собой освящение человеческого рода. Ибо, по мысли апостола, «Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее, чтобы освятить ее» (Еф. 5, 25-26). Освящение церковных структур, совершенное искуплением, по христианскому преданию осуществлено в праздник Троицы и нисхождения Святого Духа, вечно пребывающим в храмах и церковных таинствах. Следова-

¹ К сожалению, мыслитель дает неверную ссылку (Ин. 21, 26) вместо (Ин. 17, 21).

тельно, религиозная церковная жизнь являет собой святость, активную и пассивную, иными словами, собственно освящение и принятие его. Эта жизнь есть особая высшая форма земного бытия, к которой приобщаются все верующие, и через это освящаются на каждой литургии. Таким образом, святость есть самое существо церковной жизни и основное свойство веры, включающее в себя все остальные, как призма сводит в своем луче все цвета природного спектра. Жизнь в абсолютной вере есть обожение и святость, вне которой вообще не существует церковных духовных даров. Святость присуща религии, она ее божественная сторона, и не может быть заменена либо достигнута каким-то человеческим усилием, ибо через нее обретается благодать. И в отношении к этой силе благодати Абсолюта, даруемой только в стенах и таинствах, она и называется святой.

Процесс единения человека с божественным И.П. Четвериков считал постепенным, обусловленным любовью, которая требует жертвы. Далее мыслитель вновь употребляет аналогию церкви с семьей. Как *«жертвенен процесс единения в любви членов семьи»*, так и *«Христос принес величайшую жертву из любви к человеку»* [Четвериков, 1949, 14]. В ответ *«человек должен пожертвовать своею самостью»*, которая для Четверикова ассоциируется с эгоизмом и себялюбием. Поэтому именно в этом отношении человеку следует *«отказаться от автономии разума и воли, подчинив их всецело главе – Христу»*. По мнению И.П. Четверикова, человек способен отказаться от самости, как порочного выражения эгоцентризма лишь в состоянии любви, под воздействием которой человек ограничивает свои чувства и желания, *«подчиняет свой разум и волю разуму и воле другого, входит в его личность и сливается с нею»* [там же, 14].

Духовные процессы, происходившие в человеке были иллюстрированы содержанием 21 главы Евангелия от Иоанна, хотя, по замечанию Ивана Пименовича, *«отрицательная историческая критика, считает все Евангелие от Иоанна позднейшим, не апостольским произведением»* [Четвериков, 1952, 9]. Эта критика носит рационалистический характер, но это не говорит о том, что она исчезла в прошлом. Высказываясь языком философии Гегеля, критика *«„снята“ в историческом процессе»*, войдя *«в него в качестве отрицательного фактора»* [там же]. Человек есть синтез духа, души и тела, осознающий себя в состоянии свободы бытия, выбора и самосознания собственного «Я». Он одновременно носит в себе арсенал разнообразных чувств, испытывает гамму зачастую противоречивых мыслей и рождающихся в результате их ощущений. *«Сомнение и уверенность могут одновременно совмещаться в душе человека»* [там же, 15], что было естественно даже у апостолов по отношению к воскресшему Христу.

И.П. Четвериков считал изолированность и замкнутость следствием гордости человека и корнем человеческой извращенности, преодолеть которые можно лишь вхождением в церковную среду. Находясь там, человек осознает Истину в духовном единении и близости, очищаясь от греха и любя, через *«укрепление связи с Главою – Христом»* [Четвериков, 1949, 15], осознает полноту жизненного бытия, ощущает жажду высшей истины и блага

богообщения, знание, направленное к жизни. «Сторонники отрицательной критики стоят на обычной в новое время точке зрения, отрицающей всякую метафизику в реальности и в истории» [Четвериков, 1952, 10]. Позитивисты признают только мир исторических явлений текущих по закону непрерывной причинности. Они исчерпывают бытие мира и человека одними явлениями, отрицая за ними глубину, и пытаются «объяснить все явления из них самих, не замечая того замкнутого на себя логического круга, в который они впадают при этом» [там же, 10]. Современные же исследования как естественно-технических, так и исторических и психологических наук все решительнее приближаются к выводам о наличии религиозно-метафизических факторов существования. Тех, которые обретаются не среди явлений видимо-кажущегося мира, и не в причинном ряду, а далеко за миром этих явлений и причин, в совершенной глубине реального бытия. Там, где бытие «соприкасается с Творцом и его промыслительной деятельностью. Эта божественная воля светит сквозь явления пространственно-временного мира, направляет их и придает человеческой истории характер устойчивости и осмысленности» [там же, 10].

В евангельских событиях христианской жизни вечность вошла во время, а Слово в человеческую историю. Оттого этот период в истории человечества сверхприроден, полон чудес и пророчеств. Поэтому внешний подход к человеческой личности и истории следует углубить внутренне-религиозным подходом к ним. Для связи этих подходов необходим особый пункт отсчета, некая точка зрения, в которой метафизическое бытие соприкасается с тварным, природным бытием. Ибо человек был «сотворен Богом как Абсолютной Личностью, Которая в Своем Воплощении стала самой глубокой метафизической основой бытия человека» [Платон, 2008]. Поэтому в человеке этим пространством таинственной соединимости по нравственному учению христианства является высший абсолютный образ, незримо присутствующий в духовной структуре человека. Отсюда и в основе христианской антропологии, как ее центральная и основная идея, лежит «учение о человеке как образе Божиим» [Зеньковский, 1996, 39].

Таким образом, очевидно, что главный недостаток представителей позитивно-рационалистической критики состоит в том, что они пытаются рассматривать евангельские события в поверхностно-историческом ракурсе. При этом применяют «к ним закон причинности, абсолютное применение которого сомнительно даже в отношении к физическому миру» [Четвериков, 1952, 11]. Ибо далеко не всегда правомерно «превращать явления в символы иного мира и стремиться разгадывать их смысл» [там же].

Между тем рационально непостижимые явления как в Евангелиях, так и в современном мире есть не символы, но, скорее, просвечивание мира иррационально духовного внутреннего бытия через внешнюю видимую и материальную действительность. Примером для очевидной аналогии И.П. Четвериков приводит мимику человеческого лица. Эта внешняя мимика олицетворяет для смотрящего человека «не символы внутренних переживаний, а их выражение, их свечение во внешнем мире» [там же, 11] существования.

Так и личность человека отражается в поступках, осуществляемых посредством его природы. Современные ученые в области нравственного христианства считают личность человека своеобразным отпечатком в нем духовного начала, «ибо человек, как высшее из творений, был создан по образу и подобию творческой Первопричины всякого творения» и «как подобие ее он обладал свойствами, которые ему надлежало творчески реализовать» [Владислав, 2001]. Примером для жизни христиан стал Христос как совершеннейшая, идеальная и свободная, но в тоже время обладающая человеческой природой Личность: «Следы этого высокого подобия навсегда остались в человеческих личностях и в человеческой природе» [там же].

Заключение

Проблематика взаимоотношений личности и природности в человеке святоотеческой традицией традиционно рассматривается между двумя границами, которые задают метафизическую и динамическую напряженность высшему метафизическому призванию и фактическому существованию человека. Иными словами, образом Творца как смыслообразующей основы мира и богочеловеческим образом Христа как морально предельной и наивысшей цели бытия человека в мире. «Мир и „я“ соединены не только физической, но и метафизической связью и воспринимаются самой личностью как нерасторжимое в пределах биографического времени бытие „я-в-мире“. В этой нераздельности и неслитности бытия мира и бытия „я“ заключается предпосылка ценностной ориентации человека в мире» [Платон, 2008]. Поведение духовной личности у Четверикова, способно вступать в конфликт с физической личностью и социальной. Ибо каждая из них является источником стремлений и волевых актов, зачастую взаимно противоречащих друг другу. «Физическая личность влечет к физическим радостям, а культурная или даже социальная личность противодействует стремлениям физической личности» [Четвериков, 1997, 336]. Подобный конфликт доставляет боль человеку, доставляя духовную муку, поэтому человек стремится минимизировать или ликвидировать конфликт внутри себя, восстановив душевную гармонию. Между тем, люди как «личности призваны быть неповторимыми, дополнять друг друга, служить друг другу своими особыми дарами и талантами. Ибо только личный голос человека отражает правду, заложенную в самую глубину творения, в сущность человека» [Иоанн, 2005].

Библиография

1. Блинников Л.В. Философия XX в.: Бергсон // Блинников Л.В. Краткий словарь философов. М.: Наука, 1994. 286 с.
2. Владислав (Свешников) прот. Очерки христианской этики // Катастрофа и катастрофы. М.: Паломник, 2001. 624 с.

3. Зеньковский В.В. Основы христианской философии. М.: Канон, 1996. 560 с.
4. Иоанн (Шаховской) архиеп. Апокалипсис мелкого греха. М.: Лепта-Пресс, 2005. 300 с.
5. Платон. Диалоги. Харьков: Фолио, 2008. 349 с.
6. Четвериков И.П. Двадцать первая глава // Вестник (Орган РСХД во Франции). Париж, 1952. № 4. С. 9-15.
7. Четвериков И.П. Из лекций по общей психологии // Гаврюшин Н.К. (ред.) Русская религиозная антропология: в 2 т. М.: Московский духовный фонд, МДА, 1997. Т. 2. С. 335-343.
8. Четвериков И.П. Церковь (окончание) // Вестник (Орган РСХД в Германии). Мюнхен, 1949. № 2. С. 8-17.

The doctrine of the personality and its role in the Christian society in the articles of I.P. Chetverikov

Pavel V. Sizintsev

Postgraduate,
Moscow Theological Academy,
141300, Trinity-Sergius Lavra, Sergiev Posad, Russian Federation;
e-mail: sizinpash@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to philosophical understanding of the social and psychological role of the institution of the Church as an ethical regulator of the relations between people and the importance of psychological factors. This is love, positive content experiences and perceptions, personal approach to dialogue and communication. The author of the article on the example of theological and psychological works of Professor I. P. Chetverikov shows the stages of growth of the human personality, the role of religious rituals in dealing with the past and examines the phenomenon of the state of Holiness. He drew attention to the metaphysical aspect as the spiritual condition of man and the spiritual life of the Orthodox Church. The problem of the relationship between personality and nature in man by the patristic tradition is traditionally considered between two boundaries that set metaphysical and dynamic tensions to the highest metaphysical vocation and the actual existence of man. In other words, these boundaries are the image of the Creator as the semantic basis of the world and the Christ-like image of Christ as the moral ultimate and highest goal of human being in the world. The originality of the research has the maximum degree, as detailed analytical studies of theological and philosophical heritage of I. P. Chetverikov in Russian and world scientific community is scarce.

For citation

Sizintsev P.V. (2017) Uchenie o lichnosti i ee roli v khristianskom sotsiуме v stat'yakh I.P. Chetverikova [The doctrine of the personality and its role in the Christian society in the articles of I.P. Chetverikov]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 6 (2A), pp. 210-217.

Keywords

Church unity, the person, the Holiness, individual, the past, unity, Christ, eschatologically, wisdom, truth.

References

1. Blinnikov L.V. (1994) *Filosofiya XX v.: Bergson* [Philosophy of XX century: Bergson]. In: Blinnikov L.V. *Kratkii slovar' filosofov* [A short dictionary of philosophers]. Moscow: Nauka Publ.
2. Chetverikov I.P. (1952) Dvadtsat' pervaya glava [21st chapter]. *Vestnik (Organ RSKhD vo Frantsii)* [Bulletin (Organ of the RSHD in France)]. Paris, 4, pp. 9-15.
3. Chetverikov I.P. (1997) Iz lektzii po obshchei psikhologii [From lectures on general psychology]. In: Gavryushin N.K. (ed.) *Russkaya religioznaya antropologiya: v 2 t.* [Russian religious anthropology: in 2 vol.]. Moscow: Moscow Spiritual Fund, MDA, Vol. 2, pp. 335-343.
4. Chetverikov I.P. (1949) Tserkov' (okonchanie) [Church (the end)]. *Vestnik (Organ RSKhD v Germanii)* [Bulletin (Organ of the Russian Orthodox Church in Germany)]. Munich, 2, pp. 8-17.
5. *Ioann (Shakhovskoi) arkhiep. Apokalipsis melkogo grekha* [John (Shakhovskoy) Archbishop. Apocalypse of petty sin]. Moscow: Lepta-Press.
6. *Platon. Dialogi* [Plato. Dialogues] (2008). Khar'kov: Folio Publ.
7. Vladislav (Sveshnikov) prot. Ocherki khristianskoi etiki [Vladislav (Sveshnikov) prot. Essays on Christian ethics]. *Katastrofa i katastrofy* [Catastrophe]. Moscow: Palomnik Publ.
8. Zen'kovskii V.V. (1996) *Osnovy khristianskoi filosofii* [Fundamentals of Christian Philosophy]. Moscow: Kanon Publ.